

Topical issues of differentiation of self-defense of civil rights and arbitrariness

I. I. Makarov¹

¹Moscow University of Finance and Law MFUA, 1 Kuznetsova str., Yaroslavl 150054, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-468-479

Research article
Full text in Russian

The article examines the issues of differentiation of self-defense of civil rights and arbitrariness. The legislative differentiation of these legal institutions is necessary in order to avoid unjustified involvement of persons implementing measures of self-defense of violated rights to criminal liability for such a composition of a criminal act as arbitrariness. The most frequent cases of the implementation of self-defense measures in contractual, non-contractual relations and property relations are analyzed for their possible qualification as a criminal act in the form of arbitrariness. Recommendations on improving legislation and judicial practice on the implementation of self-defense measures of civil rights are presented.

Keywords: arbitrariness; self-protection of rights in contractual relations; self-protection of property rights; conditions of self-protection; retention

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Makarov, Igor I. | E-mail: hirinaa@yandex.ru
| Cand. Sc. (Economic), Associate Professor

Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства

И. И. Макаров¹

¹Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-468-479
УДК 343.35

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства. Законодательное разграничение указанных правовых институтов необходимо для того, чтобы избежать необоснованного привлечения лиц, реализующих меры самозащиты нарушенных прав, к уголовной ответственности по такому составу уголовно-правового деяния, как самоуправство. Анализируются наиболее частотные случаи реализации мер самозащиты в договорных, внедоговорных отношениях и отношениях собственности на предмет их возможной квалификации как уголовно-правового деяния в форме самоуправства. Представляются рекомендации по совершенствованию законодательства и судебной практики по реализации мер самозащиты гражданских прав.

Ключевые слова: самоуправство; самозащита прав в договорных отношениях; самозащита права собственности; условия самозащиты; удержание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров, Игорь Игоревич	E-mail: hirinaa@yandex.ru
	Кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

В российском законодательстве детально не конкретизируются меры самозащиты гражданских прав, что нередко приводит к квалификации указанных действий как уголовно-правового деяния – самоуправства. Разграничение самозащиты гражданских прав и самоуправства на законодательном уровне необходимо для предотвращения необоснованного применения мер уголовной ответственности в отношении лиц, которые искренне

считают, что действуют в своем праве, подкрепляя свою позицию ссылкой на расплывчатые формулировки закона, в частности на ст. 14 ГК РФ, а также мнения ведущих научных специалистов в области уголовного права.

Нередко на практике пределы самозащиты гражданских прав определяются не нормами гражданского права, а квалификацией односторонних действий по защите прав и законных интересов граждан через призыв таких составов преступлений, как самоуправство, а также института необходимой обороны. Большую роль в практике разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства имеет уровень правосознания лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, а именно: следователей, прокуроров, судей. Немаловажное значение имеет состояние юридической практики по уголовным делам – тенденции развития судебной практики, определяемой Верховным и Конституционным судами РФ.

Остановимся на анализе правовых явлений самозащиты гражданских прав и самоуправстве. Самозащита гражданских прав является одним из способов защиты гражданских прав. Институт самозащиты имеет давние исторические корни. Так, в дореволюционном гражданском праве в качестве внесудебной защиты гражданских прав рассматривались необходимая оборона, состояние крайней необходимости и дозволенное самоуправство, или самопомощь. Дозволенное самоуправство предусматривало возможность односторонних действий, направленных на восстановление нарушенного права.

Законодатель определяет общие критерии осуществления самозащиты гражданских прав. Во-первых, меры самозащиты должны отвечать требованиям соразмерности нарушенного права, а во-вторых, реализация мер самозащиты не должна выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения.

В совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6 и Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 в п. 9 разъяснено, что самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный[1].

Условия реализации мер самозащиты гражданских прав носят общий характер. Общая трактовка условий реализации мер самозащиты является недостатком современного института самозащиты гражданских прав. Законодатель определяет право на самозащиту в общих чертах, не детализируя его. Данный недостаток отмечен многими исследователями. Как указывает Е. Б. Казакова, «на практике особенно проблематичным является вопрос отграничения самозащиты имущественных прав от самоуправства как уголовно наказуемого деяния. Значительная часть само-

управных действий и раньше, и сейчас продиктована стремлением разрешить в свою пользу какой-либо имущественный спор, который в силу некоторых причин затруднительно решить согласно установленному законом порядку» [2, с. 67].

Аналогичной позиции придерживается и О. Г. Лазаренкова, которая обращает внимание на «...неоправданность слишком широкого понятия самозащиты, поскольку на практике зачастую невозможно четко провести грань между самозащитой и наказуемым самоуправством» [3, с. 146].

Показательно в этом отношении обращение гражданина К. Н. Храповицкого в Конституционный Суд РФ о признании ст. 330 УК (самоуправство) и ст. 359 ГК РФ (удержание) не соответствующими Конституции РФ [4]. В качестве основания заявитель ссылался на неопределенность содержащегося в ст. 330 УК РФ понятия самоуправства, которая позволила суду признать его виновным в совершении преступления, в то время как он реализовывал законное право на удержание вещи. Суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы, сославшись на то, что вопросы квалификации уголовных деяний относятся к компетенции судов общей юрисдикции и не входят в компетенцию Конституционного Суда РФ.

В определенной степени Конституционный Суд РФ косвенным образом определил, что вопросы разграничения права на самозащиту и самоуправства могут быть разрешены в рамках уголовного судопроизводства по конкретному делу. Но в рамках уголовного процесса суд, квалифицируя спорные меры самозащиты как самоуправство, по сути дела предопределяет исход гражданского спора, подменяя назначение уголовного судопроизводства. Произвольная трактовка мер самозащиты является питательной средой для различного рода злоупотреблений, нарушений прав граждан, снижает эффективность мер самозащиты гражданских прав.

Характерно, что лица, удерживающие имущество с целью защиты нарушенных прав, стараются теперь не доводить дело до вынесения приговора и немедленно возвращают имущество потерпевшей стороне, для того чтобы прекратить уголовное преследование. Данная тенденция подтверждается материалами судебной практики. Так, Аджамов удерживал один миллион рублей, полученный от одного из должников Асояна, за невыплату последним вознаграждения за оказанную услугу в качестве посредника по другой сделке. После возбуждения уголовного преследования по факту самоуправства денежная сумма была немедленно возвращена. Уголовное дело прекращено в связи с тем, что Аджамов с потерпевшим примирился, загладил причиненный вред, совершил преступление небольшой тяжести впервые [5].

В этой связи интересен германский правовой опыт. Институт самозащиты гражданских прав в германском праве хорошо структурирован и развит. В историко-правовом аспекте имеется определенное сходство: как и в русском гражданском праве, так и германском праве проводилось различие между самозащитой в форме необходимой обороны и крайней необходимостью и самопомощью. Институт самозащиты прав в германском праве регулирует возможность реализации мер самозащиты как в вещном, так и в обязательственном праве. Германские законодатели избрали следующий подход к реализации мер самозащиты гражданских прав: опытным путем предусмотрели все возможные способы самозащиты в гражданском законодательстве, возможно, с целью недопущения трактовки тех же действий в негативном уголовно-правовом аспекте самоуправства. Механизм осуществления самозащиты гражданских прав характеризуется детальной регламентацией способов самозащиты гражданских прав [2, с. 67].

В российском гражданском праве имеется в некоторой степени сходный подход. Существенно переработав нормы института залога, законодатель обеспечил эффективную самозащиту прав кредитора посредством внесудебного порядка обращения взыскания на предмет залога. Внесудебный порядок обращения взыскания на предмет залога как способ самозащиты допустим, если предусмотрен договором залога. Исходя из практики делового оборота, внесудебный порядок обращения взыскания возможен только в отношении движимых вещей, не требующих государственной регистрации или постановки на соответствующий учет.

Положительным моментом явилось уменьшение существенных условий договора залога. При чем цена предмета залога, если иное не установлено соглашением сторон, стала определяться согласно ч. 3 ст. 340 ГК исходя из цены реализации объекта залога при нарушении основного обязательства. Данная мера снизила количество оспариваемых сделок по такому основанию, как реализация заложенного имущества ниже рыночной стоимости. Внесудебный порядок реализации заложенного имущества потребовал введения особого статуса добросовестного залогодержателя, который обладает приоритетным правом обращения взыскания на объект залога даже в том случае, когда имущество передано в залог лицом, не имеющим на это право, о чем добросовестный залогодержатель не знал и не должен был знать. В определенной степени в этом проявляется отход законодателя от абсолютного характера защиты права собственности. Но в то же время защищает интересы залогодержателя, позволяя реализовать заложенное имущество в бесспорном порядке. Продуманная юридическая конструкция по реализации мер самозащиты прав залогодер-

жателя исключает возможность трактовки действий залогодержателя как самоуправства.

Самоуправство как состав преступления согласно ст. 330 УК РФ характеризуется несколькими обязательными, но в то же время недостаточно определенными признаками. Во-первых, самоуправное деяние предусматривает совершение каких-либо действий, что прямо предусмотрено законом. Но приведённый выше пример судебной практики показывает, что суды, используя расширительное толкование закона, рассматривают в качестве самоуправного деяния незаконное удержание имущества.

Характерно, что в научной среде преобладала точка зрения, согласно которой самоуправство возможно только в форме активного действия [6, с. 8]. С. В. Артюшкина считает, что «...необходимо совершение активных действий, так как путем бездействия самоуправство совершить невозможно» [7, с. 67].

Но судебная практика внесла соответствующие коррективы в теоретическую конструкцию состава преступления самоуправства. Такой подход совершенно не оправдан. Удержание не должно рассматриваться как вид самоуправства. Если имущество поступило в обладание лица на законных основаниях и удерживается им для реализации спорного права, то у потерпевшей стороны имеются гражданско-правовые способы истребования вещи из чужого незаконного владения посредством предъявления виндикационного иска, а также возможность требовать возмещения убытков. Кроме того, вызывает большие сомнения правильность оценки степени общественной опасности деяния, поскольку степень общественной опасности незаконного удержания явно недостаточна для квалификации такого деяния, как преступления. Использование уголовного преследования как средства разрешения имущественных споров является вопиющим нарушением принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ.

Второй признак предусматривает совершение действий вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку. Но порядок совершения действий может быть нечетко сформулирован и применение ст. 330 УК будет полностью зависеть от трактовки порядка осуществления прав должностными лицами правоохранительных органов и судьями.

В-третьих, в результате совершенных действий причинен существенный вред. Понятие существенного вреда законодательно не определено и является оценочной категорией в каждом конкретном случае.

В-четвертых, правомерность самоуправного деяния оспаривается организацией или гражданином в установленном законом порядке. Если

правомерность мер самозащиты не подвергается сомнению, то они не могут образовывать состава преступления самоуправства.

В предмете правового регулирования гражданского права имеются виды отношений, где применение мер самозащиты прав соприкасается с зыбкой гранью состава преступления самоуправства. Прежде всего это отношения, возникающие из факта заключения договора подряда, аренды и коммерческого найма жилого помещения. Очень часто меры самозащиты, граничащие с самоуправством, вызваны недобросовестным поведением самого обязанного лица.

В подрядных отношениях используется такой способ самозащиты прав, как удержание. Заказчик или генеральный подрядчик передает для выполнения работ оборудование подрядчику. В случае неисполнения обязанности по оплате выполненных работ подрядчик вправе удерживать оборудование до полного исполнения обязанности по оплате. Данный способ защиты предусмотрен гражданским законодательством (ст. 359 ГК РФ). Но в практике делового оборота сложилась негативная ситуация, когда заказчик или генеральный подрядчик выступает в роли номинального лица в отношениях с подрядчиками и третьими лицами. Дело в том, что всё имущество заказчика или генерального подрядчика распределено по родственным аффилированным структурам. Дебиторская задолженность, получаемая от реализации объектов недвижимости, направляется партнерам заказчика на основании соглашения об уступке права требования. Денежные средства на счете отсутствуют, имущества практически нет. Установить движение денежных потоков не представляется возможным, поскольку сведения о контрагентах юридического лица являются коммерческой тайной. В случае недобросовестности Заказчика у подрядчика практически полностью отсутствует возможность получить причитающееся ему вознаграждение за выполненные работы, поскольку в ходе исполнительного производства будет установлено отсутствие имущества и денежных средств на счете должника. Существует теоретическая возможность обращения взыскания на дебиторскую задолженность, но на практике это трудно реализуемо, особенно если заказчик как юридическое лицо зарегистрирован в другом регионе. Единственный способ получить оплату в относительно приемлемые разумные сроки – это удержание имущества заказчика. Но это имущество юридически не принадлежит заказчику, оно оформлено на родственное юридическое лицо, которое обращается в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту самоуправства. В итоге подрядчик не только не получает оплату за выполненные работы, но еще и привлекается к уголовной ответственности. Явная двойная несправедливость приводит к деформации правосознания граждан.

Ввиду неопределенности механизма реализации мер самозащиты целесообразно предусматривать возможность мер самозащиты гражданских прав в условиях конкретного договора. В противном случае возможно возбуждение уголовного дела по факту самоуправства.

В договорных отношениях стороны прибегают к способам самозащиты в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств между собой либо стороны могут оговорить способы самозащиты на будущее. Ряд авторов полагают, что односторонний отказ от договора в результате нарушения субъективных прав является формой самозащиты гражданских прав [8, с. 60]. Действительно, при ненадлежащем качестве работ или задержке сроков выполнения работ заказчик вправе прекратить отношения и поручить работу другим лицам, реализуя защиту нарушенных прав во внесудебном порядке.

В рамках изучения проблемных вопросов самозащиты гражданских прав в процессе неформальной беседы с работниками правоохранительных органов, следователями был выявлен интересный феномен. Лица, осуществляющие правоприменительную деятельность, квалифицировали действия по самозащите прав, предусмотренных договором, как правомерные действия гражданско-правового характера. В том случае, если аналогичные действия не были предусмотрены договором и причинили значительный ущерб, данные действия квалифицировались как уголовно-правовое деяние по ст. 330 УК РФ – самоуправство.

Налицо формирование стереотипа правомерности действий по самозащите гражданских прав, если они предусмотрены условиями договора. Сформировавшийся стереотип имеет большое значение в практике применения мер самозащиты гражданских прав. С одной стороны, создает психологический барьер по обжалованию мер самозащиты как самоуправных действий, поскольку сторона по договору знала о возможных мерах самозащиты гражданских прав и дала согласие на применение данных мер. С другой стороны, сформировавшийся стереотип создает благоприятные условия для принятия решения должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, об отказе в возбуждении уголовного дела либо прекращении уголовного преследования по ст. 330 УК – самоуправство.

Данный подход имеет отражение и в научной среде. Так, И. П. Титенков отмечает, что «...если стороны достигли соглашения о применении в случае нарушения обязательства иных способов самозащиты, то, соответственно, пределы применения и реализации этих способов устанавливаются сторонами самостоятельно, сообразно с принципом свободы договора» [9, с. 156].

Вместе с тем в определенных видах договорных отношений неразрешенным остается вопрос о допустимости применения предусмотренных договором мер самозащиты, если реализация мер самозащиты превышает предотвращенный ущерб. В частности, договором аренды предусмотрена возможность блокирования транспортных боксов в случае неуплаты арендной платы и размер недополученных доходов от такого блокирования превышает сумму задолженности по арендной плате.

В механизме правового регулирования установлено, что меры самозащиты должны быть соразмерны последствиям нарушения субъективных прав. Но, с другой стороны, предусмотренные договором меры самозащиты могут рассматриваться как форма ответственности. Противоречивая ситуация должна быть разрешена в законодательном порядке посредством принятия нормы права, допускающей применение мер самозащиты в соответствии с условиями договора, даже если меры самозащиты не соответствуют характеру и способу нарушения и превышают предотвращенный ущерб. В таком случае меры самозащиты, предусмотренные договором, могут рассматриваться как форма гражданско-правовой ответственности.

Иногда, чтобы устранить основание привлечения к уголовной ответственности, принимаются меры, направленные на размывание ответственности. Помимо условий договора, меры самозащиты гражданских прав предусматриваются в локальных нормативных актах, определяющих меры юридического воздействия на правонарушителя, которые утверждаются участниками юридического лица и обязательны для исполнительного органа и работников трудового коллектива. В таком случае привлечение к уголовной ответственности руководителя, работников и учредителей юридического лица становится весьма проблематичным.

Широкое распространение применения мер самозащиты получило в сфере жилищных отношений. Дело в том, что в отношениях коммерческого найма жилого помещения имеется некоторый дисбаланс защиты интересов наймодателя и нанимателя установленными законом средствами. В случае неоплаты жилья и коммунальных услуг более шести месяцев, а также порчи жилого помещения наниматель может быть выселен из жилого помещения только в судебном порядке. Процедура достаточно длительная. К тому же суд может предоставить отсрочку до одного года по исполнению решения суда о выселении. Некоторые недобросовестные наниматели проживают по несколько месяцев, не внося плату за жилое помещение. Вправе ли наймодатель в договоре предусмотреть меры самозащиты прав и реализовать их во внесудебном порядке? Либо действия наймодателя будут квалифицированы как самоуправство по ст. 330 УК РФ? Данные вопросы детально не урегулированы законодательством.

Специфика жилищных отношений оказала влияние на практику делового оборота. Не дожидаясь разрешения теоретических коллизий, в договорах коммерческого найма в качестве существенных условий договора стали предусматривать заключение договора на месяц с последующим перезаключением, блокировку доступа в жилое помещение, когда дверь закрывается на второй или третий замок, ключ от которого имеется только у наймодателя, скрытое отключение электроэнергии и т. д. Вопрос о правомерности данных действий, направленных на защиту своих прав и законных интересов, остается неопределенным, поскольку в опубликованной судебной практике отсутствуют сведения о привлечении к уголовной ответственности лиц по указанным выше основаниям.

Во внедоговорных отношениях к мерам самозащиты принято относить необходимую оборону и действия в состоянии крайней необходимости. В этих отношениях также выявляется острейшая проблема возможности квалификации самозащиты гражданских прав как в форме правомерного, так и неправомерного действия. Е. В. Вавилин справедливо указывает, что «...правоприменительная практика, комментарии к закону дают основание полагать, что категория необходимой обороны не отвечает в полной мере задачам гарантирования естественных неотчуждаемых прав человека и должна быть переосмыслена. Специалисты отмечают, что условия и основания применения мер самозащиты требуют большей определенности, поскольку недостаточно оправданное использование самостоятельной защиты квалифицируется как неправомерное действие» [10, с. 5].

При определении мер самозащиты в форме необходимой обороны суд исходит из объективной оценки возможности урегулирования конфликтной ситуации другими способами. В то время как лицо, реализующее меры самозащиты, исходит из субъективной оценки характера и степени нарушения его прав на момент совершения правонарушения, на эмоциональном уровне представляя высшую форму опасности для себя и окружающих. Данное обстоятельство должно учитываться при определении правомерности или неправомерности мер самозащиты прав.

В современном российском праве не детализирован институт самозащиты права собственности и иных вещных прав. Потребность в регламентации мер самозащиты права собственности проявляется прежде всего в возможности физических лиц осуществлять охрану своего жилища опасными средствами, используя принцип «мой дом – моя крепость».

Самозащита права собственности может быть осуществлена в виде превентивных мер, например путем установления ограждения, сигнализации, охраны территории служебной собакой и т. д. В некоторых южноафриканских странах, таких как ЮАР, Ботсвана, Намибия, можно уви-

деть целые кварталы домовладений с установленным электрическим ограждением. В Российской Федерации такие меры рассматриваются как неправомерные действия. Непонятна логика лиц, осуществляющих правоприменение. Хорошо обученная служебная собака может причинить больший вред, в том числе и случайный вред, чем электрическое ограждение. Поэтому в данном направлении необходима детальная регламентация правовой охраны частного владения.

Подводя итоги, отметим, что большинство из способов защиты предусматривают судебную защиту гражданских прав, а нормы института самозащиты настолько размыты, что не позволяют гражданам в полной мере воспользоваться этим правом. В целях разграничения института самозащиты гражданских прав и самоуправства следует преодолеть приоритет норм уголовного права в определении пределов самозащиты гражданских прав. Гражданское законодательство должно содержать нормы права, детально регламентирующие применение самозащиты в вещном и обязательственном праве. В качестве мер по совершенствованию механизма правового регулирования по самозащите гражданских прав следует внести следующие предложения.

Во-первых, на уровне Верховного суда РФ изменить практику правоприменения, которая заключается в том, что суды, используя расширительное толкование закона, рассматривают в качестве самоуправного деяния незаконное удержание имущества. Следует разъяснить судам, что самоуправное деяние может быть только в форме активного действия, поскольку степень общественной опасности пассивного поведения по удержанию вещи не соответствует степени общественной опасности, необходимой для квалификации деяния как преступления.

Во-вторых, меры самозащиты, предусмотренные договором, могут осуществляться даже в том случае, если они несоразмерны последствиям нарушения обязательства.

В-третьих, при оценке пределов самозащиты суд должен не только исходить из объективной оценки возможности урегулирования ситуации другими способами, но и учитывать субъективную оценку потерпевшим степени нарушения его прав на момент совершения правонарушения.

Ссылки

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9.

2. Казаков Е. Б. Актуальные вопросы самозащиты в различных отраслях российского права в современных условиях // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 67–72.

3. Лазаренкова О. Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 197 с.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав ст. 359 Гражданского кодекса РФ, ст. 330 Уголовного кодекса РФ и п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС Консультант Плюс.

5. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 Ленинского района г. Тамбова от 7 июня 2017 г. по делу № 1-14/2017 [электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/575> (дата обращения: 12.07. 2022).

6. Орешкина Т. Ю. Самоуправство: понятие, признаки, соотношение с самозащитой гражданских прав и злоупотреблением правом // Уголовное право. 2008. № 2. С. 7–12.

7. Артюшкина С. В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 208 с.

8. Васькин В. В., Овчинников Н. И., Рогович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988. 182 с.

9. Титенков И. П. Уголовная ответственность за самоуправство: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 213 с.

10. Вавилин Е. В. Самозащита гражданских прав // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 5–9.